

Чэнь Цимин,

аспирантка Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: qiming.chen@mail.ru

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА РЕЧИ КИТАЙСКОГО ОРАТОРА НА ФОРУМЕ «ОДИН ПОЯС И ОДИН ПУТЬ» В РАМКАХ ИНТЕРПРЕТАТИВНОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Данная статья посвящена анализу синхронного перевода текста, рассмотрению его в рамках интерпретативной теории перевода. В статье делается акцент на ошибках, возникших в результате неверного дословного переложения текста на переводящий язык, говорится о причинах, порождающих смысловые нарушения. Автор пробует ответить на вопрос: может ли интерпретативная теория перевода быть применима в работе над переводом китайских текстов на русский язык.

Ключевые слова: перевод, интерпретация, интерпретативная теория перевода, смысл, интерференция.

Существующая в области переводоведения так называемая интерпретативная теория перевода (далее ИТП), разработанная французскими учёными Д. Селескович и М. Ледерер, говорит о том, что интерпретация имеет весьма значительное отличие от последовательного перевода. Это отличие заключается в процессе переложения текста: перевод предполагает перекодирование элементов одной языковой системы в элементы другой, при интерпретации текста первостепенным является смысл, но никак не единица языка, взятая из контекста. Т.И. Бодрова-Гоженмос в своей статье «Концепция М.М. Бахтина и интерпретативная теория перевода» пишет, что ИТП рассматривает смысл как «результат взаимодействия значений, актуализированных в тексте, и когнитивных дополнений, релевантных для данного текста» [Бодрова-Гоженмос, 2002: 78]. Интерпретатор предаёт содержание речевого произведения не дословным переводом с некоторыми правками, а теми средствами языка, которые привычны для реципиента. Так, между исходным языком (далее ИЯ) и переводящим языком (далее ПЯ) стоит понимание, после этапа понимания следует девербализация, «то есть отказ от слов и предложений, которые породили смысл» [Попова, 2003:

101], и только третьим шагом будет выражение смысла на ПЯ. «ИТП считает перевод коммуникативным актом, который осуществляется на уровне всего текста (высказывания), а не на уровне языка, т.е. значений составляющих его слов» [Бодрова-Гоженмос, 2002: 78]. ИТП, созданная в 70-х годах XX столетия постепенно проникает в школы устного перевода различных стран. В связи с этим возникает вопрос: могут ли принципы ИТП быть полезными в работе переводчика при переводе на русский язык китайского текста.

В данной статье представляется возможным рассмотрение перевода конкретного текста в рамках ИТП. Для анализа в качестве объекта берётся речь китайского оратора, произнесённая на международном форуме «Один пояс и один путь». Нельзя не сказать о некоторых условиях реализации речевого акта, так как они непременно откладывают отпечаток на стилистику текста. Выступление политического лидера проходит перед большой аудиторией в рамках официально-деловой речевой ситуации. На форуме представители разных стран обсуждают мировые вопросы. Подготовленный для такого формата мероприятия текст должен выполнять не только информационную, но и воздействующую функцию, поэтому речь выступающего пишется в публицистическом стиле. Для успешного устного перевода специалисту в области переводоведения в том числе необходимо учитывать и специфику стиля.

М.Н. Кожина в книге «Стилистика русского языка» пишет: «Именно открытой оценочностью, явным выражением партийной, общественной или иной позиции автора публицистический стиль отличается от художественного, и именно в этой черте видятся важная примета и свойство публицистического стиля» [Кожина, 2011: 346]. Среди языковых средств, использующихся в публицистическом стиле речи, автор выделяет преобладание общественно-политической лексики (демократизация, гражданское общество). Для публицистического стиля речи свойственно также наличие метафор, олицетворений, то есть в текстах, рассчитанных на широкую аудиторию, активно функционирует переносное значение слов и выражений, которое используется для привлечения внимания слушателя. Применяя метод дословного перевода, перевести таким образом, чтобы выражение звучало так же ярко и интересно, порой не представляется возможным.

Н.К. Гарбовский в работе «Теория перевода» говорит о том, что «форма текста перевода и его содержание рождаются в ходе когнитивной деятельности переводчика как реакция не только на текст оригинала, но и на все иные факторы информационного, социального, психологического, исторического, экономического,

этического, эстетического и другого характера, связанные между собой системными отношениями» [Гарбовский, 2015: 17]. В «Теории перевода (лингвистические аспекты)» В.Н. Комиссаров, говоря о качестве перевода, отмечает: «Результаты процесса перевода (качество перевода) обуславливаются степенью смысловой близости перевода оригиналу, жанрово-стилистической принадлежностью текстов оригинала и перевода, прагматическими факторами, влияющими на выбор варианта перевода» [Комиссаров, 1990: 228]. В первую очередь учёный говорит о «смысловой близости перевода к оригиналу», что предполагает использование в работе именно ИТП, которая учитывает экстралингвистические факторы.

Слушая синхронный перевод с китайского языка на русский, носитель русского языка может улавливать некоторые неестественные для родного языка лексические сочетания или же грамматико-синтаксические конструкции. Это происходит при дословном переводе текста. Главной же идеей ИТП следует считать обмен в процессе коммуникации не языковыми конструкциями, а речевыми смыслами. Переходя к результатам исследования речи китайского политика на форуме «Один пояс и один путь», необходимо заметить, что ошибки переводчика затрагивают не один уровень языка.

В «Теории перевода (лингвистические аспекты)» В.Н. Комиссаров, говоря о переводе слов, отмечает: «Общий смысл высказывания — это то, что должен понять и передать переводчик. А для этого он должен не анализировать каждое слово в оригинале, а стараться, отвлекаясь от значений слов, добраться до смысла» [Комиссаров, 2000: 42].

В китайском языке для выражения эмоций существуют слова, которые имеют положительную, отрицательную или же нейтральную коннотацию. При работе с переводом на лексическом уровне применение ИТП помогает специалисту более точно выразить смысл, вкладываемый говорящим. «В языке первичное (основное) значение слова обычно не имеет никаких выразительных оттенков, но в речевом общении некие признаки, функции и формы предметов или явлений могут вызвать у людей ассоциации, на основе которых осуществляется семантический перенос. Он возникает при сознательном переносе человеком названия каких-либо предметов или явлений на что-то другое в связи со сходством признаков и функций и т.д. с тем, чтобы выражать свои чувства и субъективную положительную или отрицательную оценку» [Цун Япин, 2016: 16]. В речи Си Цзиньпин неоднократно упоминалось слово «绿色» (китайский язык: Люй Сэ). Так, например: «实现**绿色低碳**发展。», «我们要践行**绿色**发展的新理念, 倡导**绿色**、低碳、循环、可持续的生产生活方式»,

«我们将深入贯彻创新、协调、**绿色**、开放、共享的发展理念», «包括经贸、产业、电子商务、海洋和**绿色**经济等多领域的合作规划和具体项目», «倡议建立“一带一路”**绿色**发展国际联盟, 并为相关国家应对气候变提供援助». Слово «**绿色**» в китайском языке употребляется всегда для выражения значения «зелёный цвет». При переводе его на русский язык, семантика не поменяется для ПЯ. Однако слово «绿色», заключающее в себе положительную оценку в китайском языке, при переводе будет иметь иную семантику, а именно «экологический, экологичный, чистый, гармоничный, здоровый». В качестве примеров можно взять конструкции анализируемого текста: «*практиковать новую концепцию зелёного развития*», «*ратовать за зелёный способ производства*» (выделено мной. — Ч.Ц.). В первом случае вместо выделенного слова носитель русского языка употребил бы слово «экологический», которое соотносится по значению с существительным «экология», во втором же его пароним «экологичный» со значением «соответствующий нормам экологии» [Ефремова, 2000: 1046]. Ошибка, возникшая в данном предложении, связана с различием языковых картин мира китайцев и русских. В китайском языке есть антонимичная пара цветов «зелёный — красный». Зелёный имеет несколько положительных значений. Одно из которых — «благоприятный для окружающей среды». Красный же имеет обратную коннотацию — несёт в себе отрицательную семантику. В русском языке такое противопоставление отсутствует, поэтому у слушающего данный перевод текста возникнет вопрос в определении значения такого слова. Однако «зелёный» с точки зрения китайского языка не исчерпывается вышеназванными значениями, также может выступать ещё как «гармоничный». Например, в анализируемом тексте встречается это значение в выражениях «*выступить с инициативой о создании международного союза, зелёного развития*», «*согласованного, зелёного, открытого и общедоступного развития*» (выделено мной. — Ч.Ц.). Слово «зелёный» в данном случае эквивалентно слову «гармоничный». Так, использованное в названных примерах дословное переложение не привело к качественному переводу фрагмента. Такой тип лексической ошибки наблюдается и в словосочетании «*чревато возрождением*» (выделено мной. — Ч.Ц.). Здесь интерпретатор употребляет слово с отрицательной коннотацией в предложении, имеющем положительную семантику. Вместо выделенного слова уместно было бы употребить слово «ведёт».

Преграды при переводе могут возникнуть из-за тонкостей значения и лексической сочетаемости. Интересным представляется рассмотрение следующего примера: «*Важно <...> чтобы взаимодействие преодолело столкновение*» (выделено мной. — Ч.Ц.).

Лексема «преодолеть» в толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова рассматривается как переносное значение «осилить что-нибудь, справиться с чем-нибудь (с каким-нибудь затруднением)», что предполагает наличие некоего конфликта интересов, через который нужно пройти, но глагол «препятствовать» имеет более подходящую для данного контекста коннотацию «создавать препятствие, служить препятствием, не допускать чего-нибудь» [Ушаков, 2013: 523]. Ключевым в этом значении является отсутствие какого-либо противоречия, разлада, недопущение конфликта.

Такого же рода отступление от нормы можно увидеть в предложении «Китай намерен *вылечить* финансовую поддержку» (выделено мной. — Ч.Ц.). Высказывание не несёт в себе смысла из-за неправильно употреблённого глагола «вылечить» в связке с «финансовой поддержкой». В русском языке синонимичным является слово «улучшить», которое могло бы без искажения содержания занять место ошибочно использованного глагола.

Употребление слова в несвойственном ему значении замечено и в следующем примере. В словосочетании «*актуально практиковать*» (выделено мной. — Ч.Ц.) вместо «актуально» следует употребить лексему «активно», так как прилагательное «актуальный», от которого образовано приведённое выше наречие, в толковом словаре С.И. Ожегова имеет значение «важный, существенный для настоящего момента» [Ожегов, 2013: 21], что не имеется в виду говорящим. «Активный» же несёт в себе значения «деятельный, энергичный» и «развивающийся, усиленно действующий», и наречие, образованное от этого прилагательного, будет звучать уместно в данном контексте.

Неудачная лексическая сочетаемость видна и в нижеуказанном примере: «в строительстве «Одного пояса и одного пути» важно, чтобы обменные цивилизации...» (выделено мной. — Ч.Ц.). Для выражения нужного смысла в этом случае целесообразно использовать построение сложного предложения с подчинительной связью — «важно, чтобы цивилизации, которые обмениваются опытом».

Кроме этого, понимание именно смысла слов в предложении также полезно для устного перевода. Так, в следующих фразах «**«一带一路»建设逐渐从理念转化为行动**», «**本次论坛期间, 我们还将签署一批对接合作协议和行动计划**» и «**启动“一带一路”科技创新行动计划**» слово «**行动**» (китайский язык) означает в китайском языке «акт, действие», однако Си Цзиньпин в своей речи, используя конструкцию с данным словом, выражает мечту о реализации плана «Один пояс и один путь», и в ПЯ, может переведено как: *«Строительство «Один пояс и один путь» постепенно переходит от идеи*

к практике», «В ходе форума мы подпишем новую партию соглашений о сотрудничестве и планы действий», «В рамках инициативы «Один пояс и один путь» мы начнём реализацию перспективного плана сотрудничества в области науки, технологий и инноваций» (выделено мной — Ч.Ц.).

Интересно, для китайского языка характерны повторы слов. И здесь не на последнем месте стоит лексическая сочетаемость. Например, в предложении, взятом из анализируемого текста, «中国发展正站在**新的**起点...» выделенный элемент переводится на русский язык как слово «новый», в другом предложении «为世界发展带来**新的**机遇.» также встречается эта лексема, но, несмотря на идентичное написание, слова имеют разное значение. Это значение зависит от определяемого слова. «**新的**» в связке со словом «возможности» может быть переведено как «новый» или «дополнительный», в связке же со словом «старт» возможен однозначный перевод — «новый». Таким образом, перевести эти конструкции следует так: «Стоя на новом старте развития, Китай углублённо реализовывает» и «создать дополнительные возможности для развития всего мира» (выделено мной. — Ч.Ц.). В русском языке повторение слова в рамках одного предложения, а также в соседних недопустимо. Переводчику следует искать синонимы, подходящие по смыслу. Так, неоправданные повторы слов, которые неоднократно отмечаются в переводе анализируемого выступления — «в интересах расширения общности интересов», «вместе с многосторонними банками развития открыть центр финансового сопровождения, многостороннего развития» (выделено мной. — Ч.Ц.) — лишают текст ярких красок и должны быть устранены.

Пониманию смысла в целом способствует «схватывание» смысла лексической сочетаемости. Например, значение словосочетания, произнесённого на китайском языке, в русском языке возможно передать с помощью лишь одной лексемы. То есть происходит некое объединение лексем, которые дают лаконичный вариант перевода. Так, выделенный фрагмент имеет в себе два слова «全球100多个国家¹和国际组织积极**支持和参与**“一带一路”建设, 联合国大会、联合国安理会等重要决议也纳入“一带一路”建设内容». В рамках этой фразы в русском языке сочетание «**支持和参与**» мы переведём как «откликнулись». Таким образом, перевод данного предложения может звучать так: «За минувшие четыре года более 100 государств и международных организаций активно откликнулись на строительство “Один пояс и один путь”» (выделено мной. — Ч.Ц.).

Принципы ИТП также могут быть полезны для исключения лексической избыточности, причиной возникновения которой, по

мнению А.Д. Гаджиевой, «может быть некорректное понимание значения слова или разный объём значения китайской лексической единицы и выбранной в качестве соответствия русской лексической единицы» [Гаджиева, 2013: 40–45]. Так, в высказывании выделенные элементы «一带一路»建设不是另起炉灶、推倒重来, 而是实现战略对接、优势互补» имеют похожее значение «начать всё заново, начать с нуля, изыскать иной путь», но на ПЯ значение одного слова опускается. Перевод будет звучать так: «Я неоднократно говорил, что строительство «Одного пояса и одного пути» отнюдь не разрушит существующее и не начнёт всё заново, а достигнет сопряжения стратегий и взаимодополнения друг друга своими преимуществами» (выделено мной. — Ч.Ц.).

В «Теории перевода (лингвистические аспекты)» В.Н. Комиссаров пишет: «изложить «схваченный» смысл на языке перевода и лишь затем посмотреть, есть ли необходимость добавить к переданному смыслу какие-то дополнительные детали, связанные с языковым содержанием оригинала» [Комиссаров, 2000: 40]. В качестве примера рассмотрим конструкцию «要用好历史文化遗产, 联合打造具有丝绸之路特色的旅游产品和遗产保护». В своей структуре она не имеет слова «потенциал», тогда как в переводе на ПЯ интерпретатор дополняет выражение этим словом, имеющим значение внутренних возможностей, так как без него изложение мысли будет неточным («Необходимо задействовать потенциал культурно-исторического наследия, совместно разрабатывать свойственные для Шёлкового пути туристические продукты и прилагать усилия к сохранению наследия», выделено мной. — Ч.Ц.).

Концепция ИТП подходит и при работе с переносными смыслами. Рассмотрим предложение «发展是解决一切问题的总钥匙». «钥匙» означает «ключ», дословный перевод выделенного фрагмента — «общий ключ», что в данном контексте будет употреблено в переносном значении, но носитель русского языка не употребит это словосочетание. Более точным словом, выражающее содержание сказанного, станет слово «панацея». Перевести китайское выражение можно так: «Развитие — панацея от всяких проблем» (выделено мной. — Ч.Ц.). При этом выражение не потеряет своей метафоричности.

В данном контексте интересным представляется рассмотрение следующего примера. В высказывании «在这条大动脉上, 资金、技术、人员等生产要素自由流动, 商品、资源、成果等实现共享» китайское слово «大动脉» имеет значение «вена». При переводе на русский язык переводчик может сохранить образность, но использовать

привычное для носителей русского языка слово «артерия» в этом же переносном смысле. «Артерия» по словарю Ефремовой, может функционировать в речи в двух значениях. Первое — «кровеносный сосуд, по которому кровь от сердца поступает к органам и тканям», второе — «перен. Важный путь сообщения (обычно водный)» [Ефремова, 2000: 44]. В данном контексте полный перевод будет звучать так: *«По этой главной артерии свободно перемещались такие факторы производства, как капитал, технологии и люди; осуществлялось совместное пользование товарами и ресурсами»* (выделено мной. — Ч.Ц.). И для китайского и для русского языков прямым значением в данном случае будет являться значение пути.

При переводе следует учитывать и стилистику высказывания. Если мы рассмотрим высказывание «融资瓶颈是实现互联互通的突出挑战», то увидим в нём лексему «горлышко» (имеется в виду часть бутылки), имеющую переносное значение и часто встречающуюся в разговорном стиле ПЯ. Беря во внимание официально-деловую речевую ситуацию, переводчику следует найти аналог в русском языке, который был бы уместен. Интерпретация приведённого выше высказывания может выглядеть так: *«Узкое место финансирования — серьёзный вызов для реализации взаимосвязей»* (выделено мной. — Ч.Ц.). «Узкое место», так же, как и в ИЯ, употреблённая в переносном значении, в русском языке будет означать некоторую недостаточность производства, нехватку конкретного товара.

Следует сказать о переводе некоторых общепринятых аббревиатур. Существуют организации, названия которых известны на мировом уровне. Их используют в различных типах текстов, к примеру, в СМИ. К таким можно отнести ЕАЭС, АСЕАН, ООН АБII АБИ (ABI). Перевод таких сокращённых слов на ПЯ не может осуществляться с помощью дословного перевода.

Зачастую понимание смысла высказываний невозможно без учёта контекста. Обозначенные в следующем примере слова «我们要有“向外看”的胸怀, 维护多边贸易体制, 推动自由贸易区建设, 促进贸易和投资自由化便利化» имеют значение «душа, сердце, мысли, чувства, стремления, дух». Но перевести дословно в этом случае не представляется возможным. Интерпретировать значение сказанных слов можно таким образом: *«Мы должны без предубеждений относиться к внешнему миру, отстаивая многосторонний торговый режим, содействуя созданию зон свободной торговли, способствуя либерализации, торговле и инвестициям»* (выделено мной. — Ч.Ц.). В толковом словаре Ожегова, Шведовой даётся такая дефиниция слова «предубеждение» — «предвзятое отрицательное мнение, отно-

шение к кому-чему-нибудь» [Ожегов, Шведова, 2013: 540]. В данном контексте такой вариант перевода считается наиболее подходящим.

ИТП применима и на уровне синтаксических конструкций. Существует некоторое различие в выражении мысли на китайском и на русском языках. Так, китайское выражение может содержать лексемы, которые дают скрытый смысл, и такие лексемы не имеют полноценного значения в предложении, но они обязательны для перевода, в русском языке это скрытое значение необходимо вынести на поверхность. Например, высказывание «中国著名航海家郑和七次**远洋航海**,留下千古佳话» имеет такой перевод: «Чжэн Хэ совершил семь мореплаваний *в открытом океане*, он оставил хвалу о себе на тысячи лет» (выделено мной. — Ч.Ц.). То есть выделенный фрагмент в китайском языке не представляет собой полновесного слова, но в русском языке извлечённый смысл выражается открыто.

На уровне синтаксиса препятствием к качественному переводу могут служить глагольные повторы, относящиеся к структурным типам. В китайском языке они используются для усиления смысла, для придания ему оттенка вескости, но в русском языке это обнаруживает у говорящего бедность речи, поэтому предпочтителен перевод с помощью чередования одинаковых конструкций с синонимичными словами. Например, фрагмент из анализируемого текста «古丝绸之路**跨越**尼罗河流域、底格里斯河和幼发拉底河流域、印度河和恒河流域、黄河和长江流域，**跨越**埃及文明、巴比伦文明、印度文明、中华文明的发祥地，**跨越**佛教、基督教、伊斯兰教信众的汇集地，**跨越**不同国度和肤色人民的聚居地。不同文明、宗教、种族求同存异、开放包容，并肩书写相互尊重的壮丽诗篇，携手绘就共同发展的美好画卷» на русский язык переводится как «Древний Шёлковый путь проходил через бассейны реки Нил, рек Тигр и Евфрат, Инд и Ганг, Хуанхэ и Янцзы. Великий Шёлковый путь пересекал колыбели египетской, вавилонской, индийской и китайской цивилизаций, а также территории, где царили буддизм, христианство и ислам; он проходил через разные страны, где жили народы, отличающиеся друг от друга цветом кожи» (выделено мной. — Ч.Ц.).

В качестве ещё одного примера можно рассмотреть два предложения, следующих друг за другом. **沿着**古丝绸之路，中国将丝绸、瓷器、漆器、铁器传到西方，也为中国带来了胡椒、亚麻、香料、葡萄、石榴。**沿着**古丝绸之路，佛教、伊斯兰教及阿拉伯的天文、历法、医药传入中国，中国的四大发明、养蚕技术也由此传向世界。更为重要的是，商品和知识交流带来了观念创新。 Как можно заметить, оба они начинаются одинаково. Однако перевод на русский язык предполагает изменение начала второго предложения, так как в последующей части говорится о положительном результате, связанном с изо-

бретениями Китая. Исключение повтора с помощью синонимичной конструкции обусловлено логикой контекста. Так, *«По маршрутам Великого Шёлкового пути китайский шёлк, фарфор, лакированная посуда и железная утварь отправлялись на Запад, в то время как в Китай пришли перец, лен, специи, виноград и гранат. Благодаря Великому Шёлковому пути в Китай проникли буддизм, ислам, а также арабская астрономия, календарная система и медицина <...> гораздо важнее, обмен товарами и знаниями приносил новые идеи»* (выделено мной. — Ч.Ц.).

Стоит отметить, что зачастую трудности возникают при переводе на иностранный язык идиоматических выражений. Идиомы — некое отражение мировоззрения того или иного народа. Нередко аналоги в других языках всё же находятся, но есть и такие случаи, когда синонимичная конструкция отсутствует в языковой картине мира другой нации. Понимание концептов иного народа является необходимым условием успешного перевода устойчивых конструкций. При синхронном переводе уловить переносное значение представляется довольно трудной задачей для специалиста в области переводческой деятельности. Используя метод интерпретации, переводчик не берёт во внимание выражения, которые существовали ранее, для передачи того же смысла, а ищет подходящие для момента речи варианты. Так, в рассматриваемом тексте вместо пословицы «Начало пути — это самая трудная его часть» употреблён бессмысленный набор слов: *«Лиха беда начало»* (выделено мной. — Ч.Ц.), что затрудняет понимание контекста в целом.

Н.К. Гарбовский в своей работе «Перевод и «переводной дискурс»» говорит о переводческой интерференции, которая зачастую является причиной неправильного перевода. Он пишет: «Лингвистическая интерференция вызвана тем, что одна языковая система доминирует в языковом сознании билингва над другой. Поэтому при использовании подчинённой языковой системы в его речи наблюдаются некоторые искажения, привнесённые из доминирующей языковой системы» [Гарбовский, 2011: 13]. Использование ИТП помогает справиться с интерференцией в переводе, это возможно на этапе девербализации, так как именно в этот момент формы, выражающие смысл в исходном языке, опускаются, забываются.

Таким образом, можно говорить о важности использования ИТП в контексте перевода с китайского языка на русский. ИТП, безусловно, полезна, особенно в работе с лексическим уровнем. Однако О.И. Попова в своей статье «Интерпретативная теория перевода: прорыв или заблуждение?» говорит об одной немаловажной проблеме, которая зачастую препятствует использованию такой

теории. Это так называемый «педагогический» перевод, который рождается в школах, где учат искать соответствия. На занятиях в таких школах работают, прежде всего, с уровнем языка и с уровнем речи. Обучение пониманию смысла на уровне текста стоит далеко не на переднем плане. Определённым образом можно сказать, что интерпретативная теория не лишена конструктивности, и поэтому она может стать ведущей теорией в области переводоведения с китайского языка на русский, но полностью исключать другие подходы не представляется возможным. Работа с применением нескольких подходов, умение переключаться с одного метода на другой — залог успешного перевода.

Список литературы

Бодрова-Гоженмос Т. Концепция М.М. Бахтина и интерпретативная теория перевода // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация, 2002. № 3. С. 72–79.

Гаджиева А.Д. Лексические ошибки в речи на английском языке у студентов из КНР и возможные пути их предупреждения // Современные проблемы лингводидактики и методики преподавания иностранных языков. СПб., 2013. С. 40–45.

Гарбовский Н.К. Перевод и «переводной дискурс» // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2011. № 4. С. 3–19.

Гарбовский Н.К. Теория перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2015. № 1. С. 3–20.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. Т. 1: А — О. 1209 с.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. Т. 2: П — Я. 1088 с.

Кожина М.Н. Стилистика русского языка: учебник / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. 4-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

Комиссаров В.Н. Общая теория перевода: учебное пособие / В.Н. Комиссаров. М.: «ЧеРо», совместно с «Юрайт», 2000. 136 с.

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / В.Н. Комиссаров. М.: Высш. шк., 1990. 228 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «А ТЕМП», 2013. 874 с.

Попова О.И. Интерпретативная теория перевода: прорыв или заблуждение? / О.И. Попова // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Волгоград, 2003. № 6. С. 99–102.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка: около 100 000 слов / Д.Н. Ушаков. М.: «Аделант», 2013. 800 с.

Chen Qiming,

Postgraduate Student at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia;
e-mail: qiming.chen@mail.ru

TRANSLATING THE SPEECH DELIVERED BY THE CHINESE SPEAKER AT THE FORUM “ONE BELT AND ONE WAY”: AN ANALYSIS WITHIN THE FRAMEWORK OF THE INTERPRETIVE THEORY OF TRANSLATION

The present article is an analysis of interpretation of a text conducted within the framework of the Interpretive Theory of Translation (ITT). The author analyzes errors associated with direct translation from the source language into the target one and caused by semantic violations. The author also tries to answer the question whether the ITT could be applied to interpretation from Chinese into Russian.

Key words: translation, interpretation, Interpretive Theory of Translation, meaning, interference.

References

Bodrova-Gozhenmos T. Konceptiya M.M. Bahtina i interpretativnaya teoriya perevoda [The concept of M.M Bahtina and interpretative Translation Theory]. *Vestnik VGU. Seriya lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, 2002. No. 3, pp. 72–79 (In Russian).

Gadzhieva A.D. Leksicheskie oshibki v rechi na anglijskom yazyke u studentov iz KNR i vozmozhnye puti ih preduprezhdeniya [Lexical errors in speech in English for students from China and possible ways to prevent them]. *Sovremennye problemy lingvodidaktiki i metodiki prepodavaniya inostrannyh yazykov*. St. Petersburg, 2013, pp. 40–45 (In Russian).

Garbovskij N.K. Perevod i “perevodnoj diskurs” [Translation and “translated discourse”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, 2011. No. 4, pp. 3–19 (In Russian).

Garbovskij N.K. Teoriya perevoda [The Theory of Translation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, 2015. No. 1, pp. 3–20 (In Russian).

Efremova T.F. Novyj slovar russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyj [New Dictionary of Russian language, explanatory and word-formative]. Moscow, 2000. in 1 vol.: A — O. 1209 p. (In Russian).

Efremova T.F. Novyj slovar russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyj. [New Dictionary of Russian language, explanatory and word-formative]. Moscow, 2000, in 2 vol.: P — Ya. 1088 p. (In Russian).

Kozhina M.N. Stilistika russkogo yazyka: uchebnik [Russian language stylistics: textbook]. M.N. Kozhina, L.R. Duskaeva, V.A. Salimovskij. 4-e izd.. Moscow: Flinta Publ., Nauka Publ., 2008. 464 p. (In Russian).

Komissarov V.N. Obshhaya teoriya perevoda: uchebnoe posobie [General translation theory: tutorial]. Moscow: "CheRo", sovместno s "Yurajt", 2000. 136 p. (In Russian).

Komissarov V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty). Uchebnik dlya in-tov i fak. inostr. yaz. [Translation theory (Linguistic aspects)]. Moscow: Vyssh. shk., 1990. 228 p. (In Russian).

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyj slovar russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskix vyrazhenij [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Rossijskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. 4-e izd., dopolnennoe. Moscow: OOO "A TEMP", 2013. 874 p. (In Russian).

Popova O.I. Interpretativnaya teoriya perevoda: proryv ili zabluzhdenie? [Interpretative translation theory: Breakthrough or misconception?]. *Vestnik Volgograd. gos. un-ta*. Volgograd, 2003. No. 6. pp. 99–102 (In Russian).

Ushakov D.N. Tolkovyj slovar sovremennogo russkogo yazyka: okolo 100 000 slov [Explanatory dictionary of the modern Russian language: about 100,000 words]. Moscow: «Adelant», 2013. 800 p. (In Russian).